

Глава 3

-

Му Чэньсюэ долго стоял у двери.

Ночной ветер неумолчно шелестел, постепенно затихающие шаги растворились в длинном коридоре расписной лады.

Услышав, как неподалёку Шэнь Чии вошёл в комнату, он внезапно притворил дверь и тихо произнёс:

— Выходи.

Раздался лёгкий звук приземления, и прятавшийся всё это время тайный стражник опустился на колени за дверь:

— Господин. Ваш подчинённый всё ждал, когда вы останетесь одни, не смея появляться, и оказалось, вы уже давно заметили. Ваши глаза...

Тот, кого это касалось, словно и не слышал.

Тайный стражник дождался лишь одного вопроса, прозвучавшего ровно, как стоячая вода:

— Ты один?

— Господин Чжоу, выполнив ваши указания, велел вашему подчинённому искать вас по оставленным вами следам. Сегодня ваш подчинённый всё время следовал за этой расписной ладьёй и ещё никому не сообщил. При дворе всё скрыто хорошо, все считают, что вы простудились и взяли больничный дома.

Мужчина помолчал мгновение, затем медленно поднял руку.

Только что его движения были неуклюжими и запинающимися, но сейчас он безошибочно нащупал золотой фонарь. Ладонь медленно скользнула по пламени на фонаре-журавле, словно он вовсе не чувствовал жара. Всё тем же бесстрастным тоном он произнёс:

— Тот юный господин из семьи Су, что сидел со мной только что...

Тайный стражник напряжённо ждал долгое мгновение, но услышал лишь, как мужчина задумчиво спросил:

— ...Ты разглядел, как он выглядит?

— ...Нет, тот господин всё время был перед людьми в вуали. Ваш подчинённый сейчас же тайком проберётся и разведает.

— Самонадеянно.

Тайный стражник на миг остоленел, а затем внезапно прозрел — эти слова означали, что мастерство того человека намного превосходит его собственное.

То, что тот не заметил его в комнате, вероятно, было не из-за его искусства маскировки, а из-за того, что шум от падения предметов в комнате был слишком велик, и тот господин не обратил внимания на остальное.

— Трудом господина прикрывать следы вашего подчинённого, ваш подчинённый...

Стоявший у стола мужчина, казалось, не испытывал ни капли гнева, и голос его звучал чисто и ровно, но у тайного стражника уже выступил холодный пот на лбу.

— Ваш подчинённый, ваш подчинённый глуп.

Мёртвая тишина.

Мужчина поднял фонарь-журавль и легонько дунул.

Свеча погасла.

Тьма накрыла всё, лишь лунный свет струился.

— Возвращайся, завтра приводи людей и ищи меня.

— Господин! Сегодня в праздник Юаньсяо вы срывали фонари, многие видели вас на расписной ладье, кто-нибудь неизбежно сможет вас узнать. Ваши глаза больны, если станет известно, что рядом с вами нет охраны...

Никакого ответа.

Тайный стражник понял, что это не подлежит изменению, и не посмел больше говорить:

— ...Слушаюсь.

Тайный стражник уже собрался уходить.

Но мужчина снова заговорил:

— Ах да, постой.

Всё это время его голос был слегка холоден, но в тот миг, когда он окликнул, в нём невольно проступила привычная за многие годы аристократическая сдержанность, утончённое спокойствие и безупречная учтивость.

Но, дойдя до конца фразы, он внезапно вспомнил, что сейчас вокруг нет «людей», и этому образу благородного мужа, подобного ясной луне, некому любоваться.

Он коротко запнулся, и мягкое окончание резко оборвалось, перейдя в насмешливый, похожий на самоиронию смешок. Голос внезапно стал ледяным, словно холодный клинок, вынутый из глубокого снега.

— Оставь нож и катись.

Цзян Уянь получил задание попасть в книгу. Содержание было классическим — сыграть главного злодея, продвигать сюжет, быть побеждённым объединёнными силами положительных персонажей и плачевно уйти со сцены.

Система: «Помнишь того героя номер два, Хэ Гуйюня? Он твой заклятый враг в роли злодея, непримиримый противник. Он тоже исполнитель задания, можешь сотрудничать с ним».

«Ты уверена?»

«Я уверена!»

Цзян Уянь поверил.

Со спойлерами, с системой, да ещё и с соратником!

Легко!

Сцена 1.

Цзян Уянь полулежал на дереве, длинный халат свисал, с легкомысленной усмешкой

наблюдая, как главные герои попадают в ловушку с благоприятной возможностью.

Затем он увидел оставшегося одного героя номер два, спрыгнул с дерева и с силой хлопнул соратника по плечу: «Пошли! Провожу их к подготовленному выходу, иначе они опоздают и пострадают».

«Ты нарочно?»

«А то?»

«...»

Сцена 2.

Цзян Уянь обдумывал план для следующего злодейского сюжета, не мог принять решение и написал письмо такому же исполнителю задания Хэ Гуйюню, спрашивая его мнение о своём плане.

Хэ Гуйюнь ответил: «Господин слишком самонадеян».

Цзян Уянь: «?»

Бред, я же злодей, а ты, герой номер два, король пафоса!

Сцена 3.

Цзян Уянь, получив тяжёлые ранения по сюжету, тайком постучал в дом Хэ Гуйюня.

Под молчаливым взглядом собеседника он слабым голосом сказал: «Быстро, дай мне место для лечения, никому не говори, что я прячусь у тебя».

Соратник, казалось, колебался мгновение, затем с холодным лицом провёл его внутрь.

-

Цзян Уянь считал, что всё идёт гладко — вот только Хэ Гуйюнь был какой-то странный.

И вот однажды система сказала ему: «Пришло письмо от главной системы. Исполнитель задания героя номер два провалил переход, не смог успешно приземлиться».

Зрачки Цзян Уяня задрожали: «Что ты имеешь в виду?!»

«Душой в теле Хэ Гуйюня всё это время был твой исконный заклятый враг».

Цзян Уянь: «...»

Могу ли я ещё что-то спасти?

Улин вернулся в комнату Шэнь Чии с горячей водой.

Шэнь Чии уже снял вуаль.

Лицо, которое все так хотели разглядеть на ночном рынке, теперь было видно полностью.

Тонкая переносица, брови, подобные тушёвым лунным серпам, глаза, словно утренние звёзды, — зрачки были чистейшего светло-каштанового цвета, необычайно яркие. В глубине глаз таилась глубокая улыбка, расплывавшаяся у внешних уголков глаз, подобных лепесткам, и очерчивающая две-три черты, полные чувственности.

Лента для волос цвета жёлтой ивы, расшитая цветочными узорами, была небрежно повязана и свисала вместе с чёрными волосами. Мелкие кончики волос, зацепившиеся за вуаль, не создавали беспорядка, а добавляли некоторой беззаботности — именно таким был тот ветреный юный красавец, о котором пели в песнях под звуки струн и флейт.

Если бы он встал в одном из увеселительных заведений, боюсь, даже цветочные королевы стали бы бросать ему целые состояния.

Улин с утешением вздохнул про себя: его господин-наследник всегда говорил, что господин Му — несравненная красавица во всём мире, но где же она, несравненная? Если бы господин-наследник взял зеркало и взглянул на себя, то разве не нашёлся бы ещё один?

— Господин-наследник?

— увидев, что Шэнь Чии рассеян, он протянул смоченное в горячей воде полотенце и сам заговорил: — Ложиться спать?

Молодой человек, подобный нежданному гостю с картины, очнулся, но не взял полотенце, а, посерьёзнев лицом и слегка нахмурившись, спросил:

— Улин, ты не слышал каких-нибудь посторонних звуков?

Улин, услышав это, внутренне напрягся и поспешил внимательно прислушаться.

Он много лет следовал за Шэнь Чии и, хоть и не был мастером, кое-какие приёмы кулачного боя от Шэнь Чии перенял.

Но он слушал долгое время и ничего не обнаружил:

— Нет...

Он огляделся по сторонам, заметил, что окно у воды неплотно закрыто, вздохнул с облегчением, подошёл и закрыл окно.

— Наверное, ветер.

Окна плотно закрылись, отрезав бескрайние волны бирюзового озера.

В комнате стало так тихо, что был слышен звук падающей иголки, и действительно не было никаких звуков.

Но Шэнь Чии показалось это ещё более странным — неужели ему почудилось?

Он взял уже немного остывшее полотенце, кое-как вытер лицо, но всё ещё не успокоился:

— Мне кажется, только что в комнате брата Му были какие-то звуки. Ты перед сном зайди посмотри, уснул он или нет. Если не спит, спроси, не нужна ли ему помощь. Он не привык звать на помощь, а сегодня он и так чувствует себя неважно, как бы он, будучи слепым, не ударился обо что-нибудь.

Хотя по статусу Улин был слугой наследника Цанского княжества, Шэнь Чии относился к нему скорее как к близкому другу. Наедине они говорили без стеснения и без каких-либо табу.

Он прямо при Шэнь Чии пробурчал:

— Ты тут переживаешь за господина Му, а он, может, уже забыл о тебе и спит себе сладко. За тобой по пятам бегают знатные роды из Цанчжоу, их не счесть, так с чего ты прилип к этой холодной физиономии господина Му? По-моему, он вообще тебя ни во что не ставит!

Шэнь Чии не согласился:

— Да нет же?

Улин продолжал бормотать:

— Господин-наследник сегодня приготовил много пирожных и угощений, собирался после того, как сорвёт фонарь, разделить их с господином Му. Я всё время смотрел: господин Му ни кусочка не съел, всё ты сам умял.

Шэнь Чии оправдывал его с явной пристрастностью:

— Не есть перед сном — это хорошая привычка.

Но тут он снова прокрутил слова Улина в голове и внезапно почувствовал обиду.

— ...Я что, всё съел?! Там ещё оставался один пирожок «Восемь бессмертных», я не успел его съесть.

— Это не главное.

— Это и есть главное!

— ...

Улин всё ещё испытывал некоторое беспокойство:

— Столько дней прошло, а господин Му ни разу сам не рассказал о своём происхождении. Знать человека — знать его лицо, но не сердце. Откуда взялся господин Му — всё только с его слов. Вдруг он просто увидел, что господин-наследник щедр и великодушен, и пользуется случаем, чтобы залечить раны и укрыться? Ты к нему равнодушен, а мы даже не знаем, есть ли у него дома жена или наложница.

<http://bllate.org/book/15473/2059467>